

Семидесятые – преодоление страха¹

Сергей Стратановский

поэт, редактор самиздатовского журнала «Обводный канал»

Тезисы

Семидесятые годы для «второй» культуры Ленинграда стали временем ее становления и консолидации – через квартирные встречи, семинары, чтения и периодику Самиздата. Особая роль принадлежит религиозно-философскому семинару, проводимому Т. Горичевой и В. Кривулиным в 1975-1980 гг., до высылки Горичевой из СССР.

Ключевые слова

«Вторая» культура, Ленинградский религиозно-философский семинар, периодика Самиздата

Контакты

stratanovsky@mail.ru

Когда говорят «семидесятые», обычно добавляют — «годы застоя». Но для нас эти годы были, напротив, очень плодотворным, бурным, даже в чем-то веселым временем. Говоря «для нас», я имею в виду людей так называемой «второй» культуры. Выражение это родилось тогда же, внедренного «перестроечными» журналистами словечка «андеграунд» мы не употребляли.

«Вторая культура» осознала себя как таковую именно в семидесятые. А происходило это на достаточно мрачном фоне, доминантой которого был страх. Был он, конечно, не таким сильным, как в сталинское время, но все-таки был. Помню, что где-то в начале семидесятых слух о том, что меня опубликовали на Западе, совсем меня не обрадовал. Наоборот: возникло что-то вроде мании преследования, я ждал, что затаившийся зверь прыгнет. Потом страх «отпустил», но полностью не исчез, рецидив его был даже в начале «перестройки». В Москве боялись меньше: там было правозащитное движение, там жизнь протекала на виду у иностранных корреспондентов и посольств. Москвичи презрительно называли ленинградские страхи «ленинградской болезнью», но когда у нас появилась «самиздатская» периодика, религиозно-философский семинар и стали проходить подпольные конференции, презрение исчезло, появилось уважение.

¹ От куратора: Мемуарная заметка С. Г. Стратановского была опубликована в журнале «Пчела», № 12, 1998 г. Передавая ее нам для републикации, Сергей Георгиевич ее пересмотрел и уточнил, а также подобрал неизданные иллюстрации.



Лев Рубинштейн и Сергей Стратановский, на квартире Алины Алонсо, 18 января 1980 г. Публикуется впервые; передано автором статьи.

В первой половине 70-х неофициальная культура — это «броуново движение молекул». Был «Сайгон», квартирные выставки, круг Коки Кузьминского, круг Давида Дара. Был, наконец, религиозно-философский кружок, собиравшийся у меня на дому (постоянные участники: Кирилл Бутырин, Александр Жидков, Николай Ильин и я). Вот что пишет об этом Евгений Пазухин:

Знаменательно, что инициаторами изучения русской религиозной философии начала века выступили прежде всего поэты, прозаики, художники. Так, в начале 70-х гг. на квартире петербургского поэта Сергея Стратановского действовал кружок по изучению русской религиозной философии. В Санкт-Петербурге это был хронологически первый такой кружок. Занятия делились на две части: «официальную» и «деловую». «Официальная» состояла из докладов, «деловая» же, несколько отличаясь от «официальной» по форме, по существу являлась ее органическим продолжением. На стол выставлялись бутылки, закуска, и в несколько более раскованном варианте шло обсуждение проблем, затронутых во время «официальной» части. (Пазухин 74)

К сказанному Пазухиным добавлю, что русской философией мы стали заниматься не сразу, а сначала изучали диалоги Платона. Вскоре мы узнали, что в Ленинграде есть еще один философский кружок — Татьяны Горичевой и Бориса Гройса, с несколько иной, более «западной» ориентацией. Мы познакомились с ними и пригласили к себе, но потом что-то «расклеилось».

Вторая половина 70-х гг. была для «второй культуры» качественно новым этапом. Переломным моментом тут была печально знаменитая «бульдозерная» выставка в сентябре 1974 г. Художники были первыми, кто пробил брешь в стене, литераторы решили пробить другую. Как-то спонтанно возникла идея соста-

вить коллективный поэтический сборник и добиваться его издания. Проконсультировались с художниками. Юрий Жарких, один из участников «бульдозерной» выставки, рассказал о «тактике» поведения с властями.

Была образована инициативная группа, занимавшаяся прежде всего отбором текстов: Борис Иванов, Виктор Кривулин, Кока Кузьминский, Евгений Пазухин, Юлия Вознесенская.



Виктор и Светлана Кривулины с московским литературоведом Владимиром Сайтановым, нач. 1970-х гг. Публикуется впервые; передано автором статьи.

Происходило это на ул. Жуковского, в доме 19, на квартире у Юлии Вознесенской. Хотя квартира была коммунальной, соседей Юлии я никогда не видел. Занимала Юлия со своим мужем и сыном две комнаты: в первой – большой, с неоштукатуренной стеной, – происходили общие собрания и поэтические вечера, во второй – маленькой, – работала инициативная группа. Работы у нее было много, и часто «инициативники» засиживались за полночь. Поскольку поэты, особенно «подпольные», народ амбициозный, то часто возникали конфликты, некоторые то забирали стихи из сборника, то опять возвращали. Сборник назвали «Лепта», и инициативная группа составила письмо в Ленинградское отделение ССП с предложением ознакомиться со сборником и рекомендовать его к изданию. «Мы поздравили их со второй литературной действительностью», – сказала об этом Вознесенская. Письмо вызвало в Союзе переполох. Не знали, что делать. Если отвечать, то это значит признать «их» как организацию, а если не отвечать, то что предпринять? Дело спустило на тормозах. В апреле 1975 г. нам было предложено отдать «Лепту» в издательство «Советский писатель». Чепуров, тогда главный редактор «Совписа», заказал внутреннюю рецензию Майе Борисовой.

Неожиданно для него она написала положительный отзыв и высказалась за издание сборника. Тогда «Лепту» отдали на растерзание известному литературному «носорогу» Петру Сазонтовичу Выходцеву. Его разгромная рецензия и стала поводом для отклонения сборника.

Неудача с «Лептой» обернулась в конечном счете победой. Мы поняли, что эту стену пробить невозможно, да и не нужно. И вот тогда-то появилась «самиздатская» периодика: журналы «37» и «Чась», а впоследствии, уже в 80-е, – «Обводный канал». Об этом уже достаточно много писали, поэтому расскажу о другом, о религиозно-философском семинаре, действовавшем в Ленинграде с осени 1975 г. по 1980 г. Идея семинара родилась в моих разговорах с Татьяной Горичевой. Первое его занятие было на Охте, на квартире Марины Недробовой, но очень скоро семинар прочно поселился на Курляндской 20, в квартире 37, где жили тогда только что поженившиеся Кривулин и Горичева. Квартира 37 находилась во дворе, на первом этаже, кажется, это была чья-то мастерская. От номера этой квартиры и получил название журнал «37». Занятия семинара происходили раз в две недели, по пятницам, причем они были открытыми: каждый, кто о них знал, мог на них прийти. Эта открытость, отсутствие конспирации, тоже было новым необычным явлением в атмосфере всеобщей запуганности. Не знаю, действовала ли «прослушка», но, думаю, в ней не было нужды: заслать осведомителя было и проще и дешевле.

Семинар поначалу имел просветительский характер. Решили начать с «азов» и изучать христианство первых веков и Отцов Церкви. Читались доклады о гностиках, о Тертулиане, об Оригене и Василии Великом. Нередко богословские тонкости вызывали отрицательную реакцию. Помню, как ныне покойный художник Исачев кричал после доклада Кривулина (кажется, об Оригене), что все умствования ни к чему, поскольку Христос сказал: «Будьте, как дети».



Сергей Стратановский (в центре), во время конференции на квартире Алины Алонсо (стоит на заднем плане), 18 января 1980 г. Публикуется впервые; передано автором статьи.

Татьяна Горичева, единственный профессиональный философ в нашей среде, делала доклады о «диалектической теологии», К. Барте и П. Тиллихе, о С. Кьеркегоре, М. Хайдеггере. Тогда она была еще далека от православия и Церкви. Вспоминается такая деталь. Она собиралась проводить очередной семинар в Страстную Пятницу и только гостивший тогда в Ленинграде о. Сергей Желудков отговорил ее от этого.

Семинар постепенно трансформировался из просветительского в проблемный. В 1976 г. состоялись две конференции: «Христианство и этика» и «Христианство и гуманизм». Недавно я перечитал в сохранившемся у меня экземпляре «37» материалы второй из этих конференций, перечитал и подумал: как все это интересно. И какой контраст с проходившими тогда «разрешенными» дискуссиями типа «Классика и мы» в Центральном Доме Литераторов.

Было и то, что по-научному называется «межконфессиональным диалогом».

На семинар приходили кришнаиты, баптисты, иудаисты. Иудаист Пеккер выступал на конференции «Христианство и гуманизм» с докладом об отношении иудейской религии к гуманизму. Помню также доклад о хасидизме какого-то молодого неофита. Доклад этот проходил уже не на Курляндской, а на ул. Войнова, у Вячеслава Долинина. Хасид, желая продолжить общение, пригласил нескольких слушателей (в том числе и меня) на «шаббат» — поговорить о соотношении иудаизма и христианства.

Что еще было? Выставки: «разрешенные» и квартирные, квартирные чтения, даже конференция по «второй» культуре. Проходила она на Монетной улице, в квартире Алины Алонсо и была так хорошо законспирирована, что власти узнали о ней месяц спустя из сообщений эмигрантской прессы.

Потом, когда образовался «Клуб-81», такие конференции, уже «под шапкой» клуба, стали проходить ежегодно.



Редакторы журнала «Обводный канал» Кирилл Бутырин и Сергей Стратановский (первые слева) на заседании «Клуба-81». Фото М. Талалая, 1985. Публикуется впервые.

Недавно по своим уныло-бытовым делам я проходил по Курляндской улице и зашел во двор дома 20. В квартире 37 живут другие люди. Нет уже и вывески клуба ДОСААФ, висевшей рядом. Я вспомнил участников событий тех лет. Кто-то из них сейчас живет в Германии, кто-то в Америке, кто-то в Израиле. Но и в Петербурге осталось немало. Я благодарен этим людям. Они создавали среду, в которой тогда можно было жить.



Сергей Стратановский (на первом плане), рядом с Юлием Рыбаковым и Борисом Ивановым (сидит на полу) во время слета самиздатчиков в 1987 г. на квартире Михаила Талалая. Фото М. Талалая. Публикуется впервые.

Библиография

Евгений Пазухин. “Русская религиозная мысль в подполье.” «Преображение». Вып. I (1992). Печать.